

ХУДОЖНИК — это прежде всего зрение. Но одно дело — изображать объект видимый, натуру доступную и осязаемую. А вот если в силу творческой задачи суждено двинуться в глубь эпох, взглянуть на жизнь сквозь пласты времени, такие неподатливые и непрозрачные? С этой трудностью сталкиваются прежде всего художники-иллюстраторы, обращаясь к богатейшему наследию мировой литературы. Оттого-то их творческое зрение напрямую связано с памятью. В своей работе они — верные подданные Мнемозины, богини памяти. Недаром же великолепный Дорэ определял суть своего творчества словами «Je me souviens» — «Я вспоминаю».

Их приводит в своей новой книге прекрасно известный отечественному и зарубежному книгозрителю художник Николай Васильевич Кузьмин. «Давно и недавно» — озаглавил он свой замечательный том. «Я вспоминаю» — мог бы назвать он эту книгу и так.

Творческая стихия Кузьмина — российский девятнадцатый век, щедрый на блистательные литературные восхождения. Художник входит в мир Пушкина, Голя, Лескова, Лермонтова — не рассеянным зевакою входит, а пристальным сопереживателем. Но без знания нет полноценного сопереживания. И Кузьмин тщательно вникает в эпоху

по всем параметрам — от социальных до бытовых, накапливая память. Оттого для внимательного книгозрителя в кузьминских иллюстрациях открываются все новые и новые детали. Таким образом художник помогает и нам приобщиться к славному клану слуг Мнемозины, развивая нашу память (ведь она — не нечто неизменное, данное изначально).

Книга «Давно и недавно» писалась Кузьминым не один год. Ее составили литературные работы художника почти за два десятилетия. Определить, что здесь «самое-самое» — трудно, потому что читателю, чуткому к отечественной культуре, равно интересны будут и размышления художника о книжной графике, и, если можно так выразиться, автокомментарии к собственным работам, и воспоминания о художественной среде 10-х и 20-х годов, и библиофильские изыскания...

Масштаб знаний Кузьмина удивителен. «Он учился всю жизнь, но в его учености не было ни капли педантизма, а в житейском поведении ничего от профессорской важности, тяжеловесной маститости». Так пишет Николай Васильевич о Корнее Ивановиче Чуковском. Но вот ведь интересно: даже те, кто впервые узнает Кузьмина по книге, о которой у нас разговор, — невольно повторяют эти слова на его счет. Так уж получилось, что Кузьмин нечаянно сказал и о себе.

ДАВНО, НЕДАВНО И ВСЕГДА

Его знания всякий раз так обширны, что, наверное, «не уместятся» даже в большой иллюстрационный цикл. Тогда и берется художник за перо, чтобы поделиться с нами тем многим, что осталось «за кадром» его работ. И в результате мы уже несколькими новыми, более, что ли, вооруженным взглядом смотрим и на его произведения, и на сами литературные создания, к которым он обращается. А заодно и понимаем, какая громадная подготовительная работа стоит за каждым рисунком.

В свое время недалеких критиков возмущала «кажущаяся легкость исполнения» иллюстраций Кузьмина к «Евгению Онегину». Они не догадывались о громаде труда, предварявшей эту замечательную легкость. Так вот и при чтении книги Кузьмина, дивясь на ее умную доходчивость, в пору нам подумать о том, какая тщательная и плодотворная работа мысли и пера стоит

Н. Кузьмин. «Давно и недавно». Издательство «Советский художник». 1982. 504 стр. 2 руб. 30 коп.

за нею. Каждая страница книги Кузьмина насыщена фактами историческими и культурными, однако они не подавляют нас — напротив: мы постоянно ощущаем в руках прочную путеводную нить, не дающую сбиться с дороги.

Радостно читать Кузьмина еще и потому, что сквозь строки то и дело проскальзывает его легкая, чуть уловимая улыбка: то восхищенная, то доброжелательная, то чуть ироничная.

Особенно явственно проступает она в «Рассказах о былом», в которых Кузьмин как бы соединяет два своих зрения: тогдашнее, начинающего художника, и нынешнее, обогащенное умным осознанием прошлого.

Причем профессиональное зрение Кузьмина постоянно выхватывает точные, характерные черты людей, о которых он пишет, и двумя-тремя словами художник дает отличный психологический портретный эскиз (например, об Андрее Белом: «лобастый череп, белые глаза»). Кан нет у Кузьмина пустых, ненужных деталей в его рисунках, так нет их и на страницах его книги. Вот, скажем, в том же очерке об Андрее Белом художник замечает: «Курил он запойно, беспрестанно, зажигая одну папиросу от другой». Попросту случайная бытовая деталь? Нет. В следующем же абзаце Кузьмин описывает страстный монолог Андрея Белого, обращенный к некому писателю Н.:

«— Мы должны посещать друзей, облачившись в белые одежды! Душу свою, осиянную светом радости, должны мы нести в дар своему собеседни-

ку! Мы не должны тащить с собой весь душевный мусор! А от наших встреч не остается ничего, кроме груды окурков! Он указал на пепельницу: зрелище было внушительное! Вот вам и «случайная» деталь...»

«Но здесь не только работа зоркого глаза и цепкой памяти. Нас радуют в этой книге и редкостное мастерство слова, прекрасный образный язык, полная свобода и естественность тона повествования, в котором мы, кажется, слышим живой голос и интонации автора».

Это Кузьмин пишет о книге воспоминаний дорогого его сердцу художника Владимира Милашевского А нас, читающих эти строки, так и тянет переадресовать их в отношении книги самого Кузьмина. Потому что точнее о ней не скажешь, пожалуй.

Книга Милашевского называлась «Вчера, позавчера».

Рецензию на нее Кузьмин озаглавил: «Вчера, позавчера и сегодня».

Нынешнюю же свою книгу он назвал «Давно и недавно».

Пользуясь хорошим уроком (их так много в его книге!), поставим в заголовок этой рецензии — «Давно, недавно и всегда».

Ведь пережитое, прочувствованное и осмысленное Николаем Васильевичем Кузьминым на страницах его книги трудно измерить доступной нам шкалой времени.

Алексей ЕРОХИН